

УДК 316
ББК 60.5

С.А. Загрубский

МОЛОДЕЖЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ СЛОЙ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается роль молодежи в обществе, а также выявляются причины некоторых особенностей поведения этой группы, например, молодежный экстремизм. Важной характеристикой общества, определяющей поведение молодежи, является создание условий для реализации ее потенциала.

Ключевые слова:

индивидуальность, молодежный экстремизм, потребности, социология молодежи, способности

Концепт «молодежь» мы рассматриваем не как «единственный привилегированный класс» (трактовка советского времени) и, тем более, не в качестве «нашего будущего» (всеобщее мнение наших дней), а просто как реальную многочисленную и очень существенную часть социума.

Необходимо отметить, что само понятие «молодежь» трактуется по-разному в социологической литературе, но в основном – на базе возрастной характеристики. Такой подход заслуживает критики, по крайней мере, в двух аспектах. Во-первых, и в 15 лет, и в 20, и в каком-либо другом фиксированном возрасте люди не представляют собою сколько-нибудь однородной массы. Во-вторых, люди любого возраста пребывали в обществе всегда, но так называемая «проблема молодежи» существует не всегда, а интересующее нас ее нынешнее состояние возникло исторически недавно. Некрасовский «мужичок с ноготок» в свои шесть лет не может быть назван «молодежью» в социологическом смысле. Он сам (равно как все его окружение) считает себя «мужиком», он глубоко и естественно вписан в об-

щественные отношения, поэтому никакой особой молодежной проблемы не порождает. Не могло быть также отдельной молодежной проблемы, например, в современном нам обществе в годы войны, а во времена Чацких или Базаровых проблема «отцов и детей» резко отличалась от проблемы сегодняшней.

Наш подход, основывающийся на предположении, что каждый человек объективно понуждается к поиску путей для самореализации простым фактом объективного же наличия у него множества способностей, позволяет сделать предположение, что социально-значимой характеристикой молодежи является ее особое – среди других возрастных слоев – положение именно в процессе реализации своих способностей. С этой точки зрения сразу же становится ясным, что возраст – не главное. Причем не главное одновременно как в личностном, так и в общественном восприятии. С этой же точки зрения оказываются понятными те нежелательные в социальном плане особенности молодежного поведения, которые и ложатся в основание «проблемы» в наши дни.

Представляется возможным называть молодежью социальный слой, включающий в себя людей, не занятых пока еще трудом, востребованным и оплачиваемым обществом, не нашедших места в обществе, где реализовывались бы их способности. То есть, если молодой по возрасту человек занят трудом самостоятельным и оплачиваемым, он перестает быть «молодежью» в социологическом смысле слова.

С этой точки зрения можно выделить определенные особенности молодежного состояния, обуславливающие ее социальную ущемленность.

а) Способности молодых людей вплоть до выхода последних в самостоятельную жизнь интересуют взрослых только как предмет развития этих способностей, причем условия для их реализации исключительно малы. Поскольку, таким образом, эти способности пребывают как бы в некоем потенциальном только наборе, взрослые учителя и воспитатели «перебирают» их по своему вкусу и своему усмотрению, отрицая их или поддерживая, тормозя или направляя «по себе».

Традиционно это полностью оправдано, так как в прежние времена, при малом количестве условий реализации способностей людей, приходилось развивать в себе не те из них, какие бы хотелось, а те, которые найдут применение во взрослой жизни. Старший по возрасту обязательно был авторитетом, поскольку изменений в роде занятий не предстояло на протяжении многих поколений. Старший – учитель, поэтому воспринимался он как авторитет и благодетель.

Понятно, что с общим ростом количества и качества условий реализации способностей, со снижением всякого рода социальных неустроенностей и страхов – знания и опыт старшего по возрасту не обязательно станут полезны младшему, вот почему кураторство и наставления старшего могут восприниматься младшим как назойливое брюзжание, от которого тому же никуда не деться.

б) Весь период обучения и воспитания современного молодого человека приучают к тому, что перед ним «все дороги открыты». Взрослая часть общества не обманывает молодых тем, что развитая и многоотраслевая структура общественного хозяйства действительно требует людей, способных к различному и многообразному социальному применению. Но! – даже при теперешнем очень высоком уровне механизации, автоматизации, компьютеризации основное количество рабочих мест ориентировано на применение самых простых, первичных способностей, никак не отражающих нашей индивидуальности. Рабочие места, дающие применение способностям более высоким, допускающие индивидуальность, заняты теми, кто пришел на них раньше. В результате молодой человек сталкивается с тем, что распределение социальных благ связано не столько со способностями, сколько с возрастом, в котором он «не виноват».

в) Весь образ жизни молодого человека, организованный для него взрослыми, противоречит наблюдаемому им образу жизни этих взрослых, причем это различие не в пользу молодого. Взрослые трудятся за плату и обычно в течение четко ограниченного времени, а молодой человек – бесплатно, и за ним не признается право бездельничать. И главное – во взрослых поощряется процесс **реализации** их способностей при общественном безразличии к процессу **развития** этих способностей (дополнительное обучение, повышение квалификации, расширение кругозора отданы на собственный выбор и волю взрослых людей), а для молодых людей общество загораживает пути их самореализации, тогда как процессы изменения себя, «подгонки» личности под нужды взрослого мира возводит в ранг основной задачи молодых.

Мы не даем здесь этической оценки такому факту. Конечно, детский труд прошлых веков воспринимается нами сегодня как печальная страница истории, но все же эта печаль обусловлена не фактом включенности детей в работу, а чрезмерностью детского труда, о чем в мире существует огромная литература. Вывод, следующий из нашего рассмотрения, сводится к тому, что молодых людей **недопустимо исключать из общественно-полезного труда**.

г) Возможности будущего устройства молодого человека фактически определены старшими в том смысле, что направления, приоритеты, вся организация общества, в котором этому человеку предстоит жить, навязаны ему без всякого интереса к его мнению по этому поводу. Как говорится, «без меня меня женили». Когда еще он сможет посчитать, что и сам участвует в устройстве жизни общества!

Взрослые, кстати, чувствуют некоторую несправедливость такого положения, что проявляется в многообразных акциях принуждающего «приобщения»: присягах, клятвах, обетах и т.д. До наших дней эти особые, хотя и массовые, процедуры сохранились только в тех социальных ячейках, где наиболее откровенно от человека требуется послушание превыше индивидуальности: в жестко организованных сообществах (в армии, в монастырях, в каких-либо тайных объединениях).

д) Молодежь традиционно превозносится как объект наибольшего внимания общества и как потребитель внимания и сил взрослых. Но никто не обращает внимания на «дающую» роль молодежи, согласно которой она выступает в качестве некоего огромного «резервуара», куда старшие по возрасту «сливают» свои способности, не востребованные жизнью, не «дореализованные». Таковыми являются в первую очередь самые высокие способности индивидов: направлять, учить, организовывать жизнь, формулировать критические оценки происходящего (то есть судить). Это приводит к тому, что последние возможности молодого человека реализовывать свои способности хотя бы в пределах семьи или даже личной жизни отнимаются у него старшими, главным образом пенсионерами, сохранившими пока еще здоровье и ощущающими свою недоиспользованность, нерастраченность. В культуре всех народов существует как комическое противостояние тещи и зятя. По существу же это явление трагическое. Трагическое – как отражение собственной неустроенности, нереализованности человека пожилого, и тем более по воздействию на жизнь людей молодых. В частности, еще и потому, что нереализованными остаются в первую очередь способности духовные. Взрослые хотят и готовы любить своих молодых, но так же точно они ждут и ответного движения, ждут любви и уважения, что воспринимается главным (самым ясным и легким) образом через послушание молодого, через готовность его демонстрировать перед взрослым свою второстепенность, что, по понятным причинам, вносит напряжение в семью.

Попробуем теперь представить, к чему может – или должен – привести такой молодежный «статус», опираясь, как и прежде, **только на логику**.

Если мы допускаем, что в каждом человеке – вне зависимости от возраста – способностей много и они разнообразны, что общество воспринимает, содействует развитию лишь части наших личных способностей, то невостребованные способности будут беспокоить нас, требовать реализации.

Не находя легитимных форм реализации, то есть форм, воспринимаемых обществом, они должны будут вылиться в какие-то формы самостоятельные, произвольные, необязательные. Во взрослом мире это различные хобби, а чаще «закусание» и пьянство. У людей, не успевших устать от жизненной борьбы – **не только у молодых**, но у молодых в первую очередь, – это должно быть обязательно (логически обязательно) что-нибудь оригинальное, что-нибудь **не такое, как у взрослых**.

Каждый из нас стремится быть значимым в своем окружении – просто такова человеческая природа, таков результат бурления в нас наших способностей – стремится быть замеченным и авторитетным. И если для такого стремления нет официальных, легитимных каналов осуществления, логика подсказывает: люди, не воспринятые окружением, обязательно создадут некий ареал и собственные символы своей авторитетности и заметности.

Условия и символы этой неформальной авторитетности не обязательно будут асоциальны, но с очень большой вероятностью – потому что ведь и

само определение «социализации» как усвоения границ социально-допустимого целиком находится в компетенции «взрослого мира», с возражения и противопоставления которому начинается неформальная – потому что собственная – деятельность молодых людей.

Иначе говоря, такие явления, как молодежный «пофигизм» (слово приобрело уже официальный статус), социальная инфантильность, экстремизм – отличаются друг от друга только уровнем асоциальности, но совсем не различаются по существу. Если «пофигизм» мы назовем самым социально-безобидным проявлением девиантности, то экстремизм есть просто более активная, более деятельная форма того же пофигизма. Молодежный экстремизм является просто материальной, деятельностной реализацией пофигизма.

В перечисленных выше аспектах социального ущемления молодых людей особенность, раскрытая в пункте «а», выступает, пожалуй, наиболее **разрушительной** для молодого человека **причиной** многих социальных тревог и забот. В то же время она является отражением великого достижения всего человечества и предметом гордости каждого народа и каждой семьи, поскольку есть **результат социального прогресса***.

Понятие социального прогресса может непротиворечиво раскрываться как рост количества условий и возможностей реализации массовых способностей людей, как рост общественного уважения и приятия этих способностей. Соответственно – как рост возможностей и прав быть индивидом, быть самим собой. В жизни конкретных индивидов этот прогресс сказывается, в частности, и в том, что способности детей своих с радостной надеждой предполагаются и с великим усердием развиваются (часто еще с большим усердием, чем способности ребенка того заслуживают) с первых же дней его существования.

В предыдущие тысячелетия поведение старших по возрасту было принципиально иным. Старший должен был не «развивать» младшего, а загонять его в узкие рамки осуществимого будущего. И в Библии, и в «Домострое», и во многих иных обучающих текстах отмечается, что процесс этот трудный, что приходится применять «железо» для «укрощения» молодежи – потому что не был обеспечен социальный заказ на индивидуальность.

Нынче положение иное. «Нынче» – это лет 30–40, время постиндустриального общества, которое характеризуется многоотраслевой экономикой, наукой, культурой, поставляющими заказ на различных индивидов и позволяющими надеяться родителям, что их ребенок найдет себе в жизни место «по себе». «По себе» – это, для начала, не «по-папиному – маминому».

Казалось бы, прекрасное человеческое достижение. Но к чему же оно приводит?

* Социальные проблемы молодежи связаны не столько с социальным прогрессом, сколько с социальным регрессом капитализма в логике действия механизмов постоянно возрождающегося и углубляющегося отчуждения человека в «обществе Капитала», в котором формируется отчуждение человека от орудий труда и средств производства, от общественного продукта труда, и, следовательно, от самого труда и от самого себя, истории (прим. рецензента).

Молодой человек с первых же шагов в своей жизни привыкает к тому, что он – индивид, ничем не худший, чем все окружающие (а во многих семьях он даже «лучший»). В то же время, по причине его малых сил и жизненного опыта, все взрослые беспрерывно за ним ухаживают, стремясь угадать и предупредить его желания и нужды. В подобной атмосфере и взрослый-то человек приучился бы считать себя выше и авторитетнее окружающих, а что уж говорить о человеке молодом и знающем жизнь только в этом крохотном мире!

Молодой человек не приобретает понятия авторитета, уважения к учителям и наставникам, поскольку последние выступают для него в образе слуг, в то же время уча его, что каждая личность имеет моральное право на самоуважение и реализацию собственной индивидуальности.

Если в прежние века в социально убогой атмосфере отец-сапожник выступал перед сыном верховным и крайним авторитетом потому, что сапожничество в будущем только и могло дать сыну условия какого-то приемлемого существования, то теперешний отец-сапожник может даже стыдиться своей непрестижной профессии перед детьми, получающими высшее образование, а отец-физик или отец-артист совершенно не считает, что и сын его должен будет стать физиком или артистом. Можно выразить это фразой Владимира Высоцкого: «Делай как я – это значит: не надо за мной».

Если же, по позиции самих родителей перед своим ребенком, их личный возрастной и профессиональный опыт и знания не являются существенными, а во всех остальных семейных ситуациях они главным образом слуги, – какое отношение к миру взрослых приобретает молодой человек, да еще встречая в этом мире тормоза его продвижению, стремление им руководить и ожидание от него послушания и скромности? Возникает совершенно детский процесс неприятия требований этого мира. Процесс, в котором на первом месте не рассуждение, не ответственность, – а каприз.

В молодых людях тормозится желание и даже сама способность учиться – не потому, чтобы эта способность была у одного поколения меньше, чем у другого, а потому, что **любое учение базируется на авторитетности учителя**. Авторитетности хотя бы гипотетической, изначальной, – но изначальна в молодом человеке как раз уверенность в своем равенстве, в своем **праве на индивидуальность**, четко выраженная А. Макаревичем в словах: «Не надо прогибаться под изменчивый мир, – пусть лучше он прогнется под нас!»

Выше такая ситуация была названа разрушительной. Поскольку трактовка всех понятий в социальном поле строится нами с опорой на условия развития способностей индивида, утверждение о разрушительности чего-либо должно быть обосновано с тех же позиций.

Действительно, это прекрасно, когда человек с молодых своих лет приучен уважать и ценить себя как личность, а не только как кирпичик в общественном строении. Но что он такое есть? Что есть каждый из нас? Что такое есть эта моя личность?

Наличие в каждом из нас множества способностей, помимо удовольствия по этому поводу, создает великую трудность в понимании того, что хуже, что лучше, что вредно, что полезно – для меня, любимого. Разобраться в мешанине способностей, потребностей, желаний, страстей, возможного и невозможного чрезвычайно трудно. У взрослых уже есть какой-то опыт (в основном, как говорят, «набитые шишки») – но молодой человек не умеет уважать старших (и потому интересоваться их опытом). Он мог бы внимательно изучать себя, учась хотя бы на чужих ошибках, но он не приучен вообще обращать внимание на других. Подчеркнем: **не приучен не потому, что его учили быть хамом, а потому, что его учили, что он очень интересная, единственная и принципиально уважаемая личность, что он никого не хуже, поскольку каждый хорош по-своему.**

Невнимание к другому человеку приобретает форму уважения его, что, кстати, давно уже отмечено мировой литературой для высших слоев общества феодального и как растущее со временем состояние общества капиталистического (очень явно у Ницше), что проявляется в возрастающей холодности в межличностных отношениях, в увеличении безразличия человека к человеку.

Ко всем перечисленным трудностям молодому человеку предстоит еще устоять перед огромным количеством соблазнов, возникновение которых также является великим достижением человечества: масса развлечений, масса «вкусностей» всякого рода. Для кого же это все, если не для меня!

Но чтобы не утонуть в море соблазнов, хорошо бы стать опытным и зрелым. Опытность и зрелость есть у старших (у того же отца-физика или сапожника), но они не авторитетны перед своими сыновьями, которым помогли развить способности, но не смогли создать понятие об **иерархии способностей в самом человеке**. Развив опережающим образом **самоуважение**, ставя с детства интерес и уважение к внешнему миру на второе после себя место, человек оказывается вдруг беззащитным в поле естественных, объективных ограничений. Ограничений как со стороны общества, так и со стороны собственных физических, интеллектуальных, душевных способностей и сил.

Наши способности располагаются в трех сферах: физиологической, интеллектуальной и духовной. Безусловно, способности (и инициированные ими потребности) физиологические и воспринимаются легче других, и более явно требуют своей реализации. Стремясь «заниматься собой», молодой человек поневоле уклоняется в первую очередь именно в сторону удовлетворения потребностей физиологического плана. Беспредельны возможности саморазвития духовного и интеллектуального, – но эти потребности не так «назойливы» и не всегда ясны; в то же время очень явно **физиологически** ограничены возможности удовлетворения именно физиологического (где потребности как раз очень ясны и весьма «назойливы»). Ограничены и собственными силами, и общественным дефицитом. Молодой человек вдруг с огорчением видит, что «обижен жизнью». Отсюда капризы, претензии, неблагодарность, иногда даже обозленность, способ-

ные воплотиться в разного рода асоциальных действиях. И разрушающее душу, обезоруживающее перед трудностями жизни отсутствие «святыни» в себе. Не в религиозном, конечно, смысле «святыни», а именно в общественном: отсутствие иерархии ценностей, изыскиваемых индивидом. «Закон – мое желание!» – разрушающее личное воздействие подобной жизненной ориентации было известно еще Некрасовскому персонажу.

На базе чрезмерного – можно назвать его даже анархическим – самоуважения при отсутствии внешних «авторитетов» и «святых» порождается и такое печальное явление, как готовность молодых людей к функционированию в составе многообразных сект и объединений явно тоталитарного характера. Это может показаться противоречивым: соединение «раскрученной» индивидуальности и готовности к полной подчиненности. Но вот какая здесь связь.

Множество способностей человека порождает многие же его потребности, а **отсутствие понимания** того, что лучше для меня, а что хуже – создает в душе и слабо развитом сознании ощущение почти физиологического дискомфорта.

Каждый человек нуждается в определенной целостности, в единстве своего самоощущения, но внутренний мир, ни на что не ориентированный, не способен создать никакую целостность и единство из свойственной ему хаотичной множественности. Вот и начинает нуждаться такой хаотичный мир в **упорядочении**, причем именно и только – в упорядочении, безразлично на какой основе. И спешит молодой человек, «индивидуальный и самостоятельный», под крышу какой-нибудь секты, клуба, организации. Важно отметить, что руководители этих сект и организаций не лукавят: от адептов требуется послушание в первую очередь, формально исключается право на самостоятельность, отдельность, индивидуальность. Послушание и исполнительность – одинаково в религиозных, или бандитских, или политических, или в любого рода других объединениях.

Интересно отметить, что многие из тех молодых людей, до которых не дошли еще «паханы» и «гуру» (или тех, которые их все-таки благообразно избегают), объединяются в различные сообщества «фанатов», в которых, даже если и не требуется кого-нибудь громить (хотя бывает и так), обязательно нужно принимать как высшую ценность объект своего фанатизма, то есть артиста, или футбольную команду, или... все равно, что. Цель и смысл объединения – найти внешнюю ценность для своих чувств и мыслей, не поддающихся собственной, внутренней упорядоченности. Цель и смысл объединения – почувствовать себя цельным, ясным, определенным, – а для этого уйти от собственного душевного хаоса.

Можно спросить: а почему же при этом не поддержать ценности легальные, рекомендуемые миром взрослых, то есть ценности обычные, **нормальные**? И ответ ясен здесь же: собственная несоциализированность, собственная невключенность в процесс легальной самореализации делает в сознании молодого человека «своим» в первую очередь также представителя мира «нелегального», «внезаконного».

Русский мыслитель XIX-го века Константин Николаевич Леонтьев подарил нам высказывание, которое здесь будет очень кстати: «Феодализм германский положил основание чрезмерному самоуважению лица. Самоуважению, которое... дойдя до нижних слоев западного общества, **сделало из всякого простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства**»¹.

Если этот текст попадет на глаза человеку социологически грамотному, – простите Леонтьеву его заблуждения в области обществознания, но воспримите заключительную часть утверждения, ибо **многие из нас сегодня чувством собственного достоинства не обладают, не возвышены, а именно – исковерканы**. И это уже печаль XXI-го века. Тем более, что леонтьевское «лекарство» от этого исковерканья никак не может нас удовлетворить: «Поменьше так называемых прав, поменьше мнимого блага!»² Леонтьев увидел отрицательную сторону социального прогресса и возгласил: **долой прогресс!**

«Исковерканность» молодых людей ощущается ими (как это показывают встречи и разговоры с молодыми людьми). В пояснение этого – действительно, непростого, – вопроса может быть полезно следующее: первичное и усиленное внимание к способностям наиболее явным и наиболее легко удовлетворяемым происходит за счет наличествующей в организме энергии, которую можно бы назвать «жизненной силой» (у физиологов наверняка имеется какое-нибудь специальное название для этой силы). Но количество такой силы естественно ограничено, – и тем самым уменьшается собственным их самоуважением энергетическая возможность проявления и реализации их же способностей более высокого, но менее явного плана. Человек, занявшийся собственной физиологией слишком рьяно, ограничит возможность самопроявления и даже самоосознания, – он **исказит, исковеркает** даже самопонимание, а не только самопроявление. Кстати, призыв не увлекаться радостями физиологического толка формулировался уже древними, а излишества в этом плане считались презираемой особенностью рабов, – поскольку явно тормозили возможность реализации способностей более высокого плана.

Как же бороться с недугом, происхождение которого и ясно, и неотвратимо (как результат социального прогресса)? Развиваемая здесь концепция позволяет прописать «рецепт», по крайней мере, непротиворечиво: **уберечь молодежь от исковерканья их правами и уважением можно только тем, чтобы, во-первых, предоставлять возможности для посильной и соразмерной реализации присущих им способностей, и, во-вторых, связывать размеры «даваемого» им с «получаемым» от них. Для чего в семьях необходимо:**

- **обязательно загружать детей посильными обязанностями и не допускать унижения взрослых перед любимым ребенком: лучшее место за столом, лучший кусок – папе с мамой (тем более, что «плохих кусков» нет, ребенок не будет обижен);**

- **перестать навязывать детям высокий уровень образования. Далеко не всем он нужен. Если ребенок учится без особого интереса, то лучше**

предложить ему освоение какого-либо ремесла. Великое достижение цивилизации выражается и в том, что продолжение образования именно в направлении, выбранном лично и по зрелому размышлению, сегодня осуществимо.

И еще: поскольку все люди стремятся реализовать свои способности, полезно напоминать молодым людям, что каждый из нас воспринимается другими людьми в первую очередь именно в этом ракурсе, то есть как помощь (подспорье, условие) в их самореализации. **Чем ты полезен окружающим?** – этот вопрос никого не должен обижать. Это честный вопрос, и молодой человек должен с детства уметь его себе задавать.

В свете того, о чем говорилось выше, тема «молодежь и культура» может восприниматься непротиворечиво не в каком-либо «особом» аспекте культуры, а именно как тема социологическая. То есть и с вопросами, и с ответами, почерпаемыми именно в теме «социология молодежи».

Итак, каким же должно быть **предполагаемое** отношение молодежи к культуре, или чего можно ожидать от «молодежной культуры»?

Если «мы», молодые, по отношению к вам, взрослым – «другие», – так и музыка наша, и литература, и фильмы, и манера поведения, и стиль взаимоотношений должны быть «другими». В кавычках потому, что «другие» – это не обычное русское слово, а принцип и ценность. Причем (что важно здесь) это такая ценность, которой служить легче всего, и (может быть, главное) понятней и осуществимей всего.

Музыка перестает быть **музыкой**, а становится каналом и символом выражения и самоутверждения. Кстати о музыке: каждой из групп наших потребностей может соответствовать какая-либо музыка. Духовной сфере, очевидно, музыка соответствующая, выражающая глубину и разнообразие потребностей духа. А вот какая музыка может соответствовать потребностям физической сферы в нас? Явно и ясно – содействующая и стимулирующая всякого рода движения, то есть главным образом ритмичная и достаточно громкая. Ну и как, читатель? Соответствует ли такой вывод тому явлению, которое называется у нас «молодежной музыкой»?

Вообще музыка ритмичная и даже громкая нужна всем возрастам – поскольку во всех возрастах существует физиолого-физическая группа потребностей (базирующаяся на соответствующих способностях) – но не только же!

Продолжим. Чайковский или Бетховен не плохи и не хороши. Они – ваши. Уважение к женщине не хорошо или плохо, – уважение к женщине нам (молодым) преподают взрослые – и потому «кайфово» перевернуть эти отношения вверх ногами: парни разукрашиваются косметикой и побрякушками, в разговорах элиминируется понятие стыда и дозволенности, дешевый каприз приобретает форму изысканной утонченности и, главное, независимости. Девушки на подиуме, на сцене и на эстраде – а вслед за тем и в компаниях – просто **должны** вести себя разнузданно, так как иначе они не будут приняты в качестве «своих». В литературе приобретают авторитет авторы, глубокомысленно «размышляющие» над темами, дав-

но человечеством осознанными, и особенно – отрицающие, отвергающие ценность вечных (взрослых) ценностей.

Напоминаю, что все это перечисление есть пока что только **предположение, основанное на нашем видении социального положения молодежи.** Но разве отличается это логически обоснованное ожидание от реальности? И потому также логически непротиворечиво может быть сформулировано предложение по поведению воспитателей и педагогов:

– достижения мировой культуры нужно не противопоставлять ее примитивным образцам, уважаемым в молодежной среде, а подавать их как просто следующий уровень. Например, в музыке ритм, темп, громкость – очень хороши. Не надо их ругать и, тем более, запрещать своим детям. Но подсказать, что другим состояниям молодой души может соответствовать музыка менее громкая, а богатству и глубине молодой души может соответствовать музыка разнообразная. Не нужно навязывать Баха или Рахманинова **вместо** рока и джаза. Их нужно предложить как дополнение к року, джазу и т.п.

– обращать внимание молодых людей на то, что их совершенно объективная тяга к самопознанию объективно же требует разнообразия и множественности впечатлений, а культура «взрослого» мира способна предоставить им эти множественность и разнообразие.

– **обеспечивая и оплачивая молодежное развитие, подчеркнута не поддерживать капризов и повышенной требовательности и претенциозности.** Приучать детей с малых лет учитывать уровень денежных трат даже в том случае, если в семье нет проблем с деньгами. При этом вот что существенно довести до понимания молодого и любимого в семье человека: беречь деньги и соразмерять их траты молодым (не зарабатывающим) человеком надо не только потому, что они «тяжело достаются», а главным образом потому, что безответственное отношение к деньгам содействует развитию в первую очередь способностей потребляющих. А такое развитие объективно тормозит развитие способностей творческих. Этот вывод – не просто «житейская мудрость», а результат учета энтропийно – негэнтропийных процессов, протекающих и в космосе, и в природе, и в обществе, и в индивидуе. Причем в индивидуе – одновременно и по-разному в его физиологической, психической и интеллектуальной сферах.

¹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского – СПб., 1991. – С. 172.

² Там же. – С. 290.